

нились нимфами, кои, сидя на скалах, являли собою самое приятное зрелище. Милейший Ливье был столь очарован, что потом, встречаясь с Маркизой, каждый раз неизменно заводил разговор о скалах Рамбуи.

Будь у Маркизы возможность тратить большие деньги, она бы устраивала, конечно, галантные сцены, которые обходились бы подороже. Я слышал из ее уст, что самой заветной ее мечтой было построить красивый дом в глубине парка Рамбуи, причем в полнейшей тайне даже от своих друзей (а при желании это стало бы вполне возможно, ибо место там уединенное, а парк — один из самых больших во Франции и находится к тому же на расстоянии мушкетного выстрела от дворца, который представляет собою всего-навсего зданье в античном вкусе); после этого она привезла бы в Рамбуи лучших своих друзей, а наутро, гуляя по парку и хорошенько поведя их кружными путями, предложила бы им взглянуть на красивый дом, якобы недавно построенный ее соседом. «Я, — говорила она, — подвела бы их к моему новому дому и предложила бы его осмотреть, причем им не встретился бы там ни один из моих слуг, а только люди, которых они никогда не видели; наконец я пригласила бы их погостить несколько дней в этом прекрасном месте, владелец коего — мой достаточно хороший друг, чтобы позволить мне это. Вы только представьте себе, — добавляла она, — каково было бы их удивление, когда бы они узнали, что все это хранилось в тайне лишь для того, чтобы сделать им приятный сюрприз».

Она забавно подшутила над графом де Гишем, ныне маршалом де Граммонем. Он был еще совсем молод, когда начал посещать самую г-жи де Рамбуи. Однажды вечером, когда он уже собирался откланяться, г-н де Шодбонн, самый близкий из друзей Маркизы, который был с графом на короткой ноге, сказал ему: «Граф, не уходи, отужинай». — «Господи, да вы шутите! — воскликнула Маркиза, — вы, верно, хотите, чтобы он умер с голоду!». — «Это она шутит, — откликнулся Шодбонн, — остаюсь, пожалуйста». В конце концов Граф остался. В эту минуту, ибо все было заранее подстроено, входит м-ль Поле вместе с м-ль де Рамбуи. Подают на стол, причем вносят также кушанья, которые Граф не ест. За беседою у него не раз выспрашивали обо всем, что ему не по вкусу. Среди прочего был подан молочный суп и большой индюк. М-ль Поле превосходно сыграла при этом свою роль. «Граф, — говорила она, — вы, наверно, никогда не ели такого вкусного молочного супа; не угодно ли тарелочку? Боже мой! А индюка? Он нежен, как рябчик. Вы не едите грудки, я положу вам кусочек попожаристее». Она старалась изо всех сил угождать ему. Графу оставалось только благодарить. Он был озадачен и никак не мог взять в толк, что значат этот незавидный ужин. Он сидел, размыная хлеб пальцами. Наконец, когда все вдоволь потешилось, г-жа де Рамбуи сказала дворецкому: «Привнесите нам что-нибудь другое, Графу все это не по вкусу». И тут подали превосходный ужин, но без смеха дело не обошлось.